

© 1993 г. Е. И. КОБЗАРЕВА*

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О РУССКО-ШВЕДСКИХ ОТНОШЕНИЯХ 1655—1661 ГОДОВ

Русско-шведская война 1655—1661 гг. возникла как бы невзначай на обочине так называемой Первой северной войны 1655—1661 гг. в результате стремления России прорваться к Балтийскому морю. Это был период острой дипломатической и вооруженной борьбы. Швеция претендовала на господствующее место в Северной Европе. По словам французского историка конца XIX в. Е. Омана, Швеция требовала признания своего равенства с Францией¹. Активно вступил на политическую арену Бранденбург.

Таким образом, войны Швеции против Польши, России и Дании, выступления Бранденбурга то на стороне Швеции против Польши, то на стороне Польши и Дании против Швеции создали единый очаг напряженности, который потребовал дипломатических усилий практически всех европейских держав.

Западная историография Первой северной войны насчитывает десятки работ. Предшествующий обзор литературы по интересующей нас теме был написан О. Л. Вайнштейном в 1947 г., в частности, он дал развернутую характеристику работам Г. Дройзена, Б. Эрдмансдёрфера, Ф. Гирша, А. Геденштрема, Е. Омана, а также некоторым другим трудам. Однако ряд важных исследований был пропущен автором обзора. Одностороннее освещение в статье О. Л. Вайнштейна получила шведская историография, которая якобы «самостоятельного значения не имеет»². Автор подробно остановился на книге Ф. Ф. Карлсона, переведенной на немецкий язык. Характеристика некоторых работ дана в обзоре без учета политической ситуации, в которой они были созданы, а также уровня развития исторической науки в целом на рассматриваемом временном этапе³.

Для всех зарубежных историков второй половины XIX — начала XX в. свойствен подход к Первой северной войне как к войне, ведшейся разными странами с целью территориальных приобретений и политического возвышения. Пожалуй, только М. Карлон пытается утверждать, что Россия начала войну, руководствуясь религиозными соображениями⁴. Практически игнорировались экономические мотивы борьбы за Балтику: лишь Б. Эрдмансдёрфер отмечает экономические

* Кобзарева Елена Игоревна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института российской истории РАН.

предпосылки развязанных войн⁵. Работы, посвященные балтийской торговле⁶, не оказали существенного влияния на историографию Первой северной войны.

Большое внимание событиям тех лет уделялось в прусской историографии XIX в. Немецкие историки связывали период правления Фридриха-Вильгельма с началом политического подъема страны. Этому, в частности, посвящена книга Л. фон Орлиха⁷.

Много работ появилось при Бисмарке. В книгах Г. Дройзена⁸, Л. Ранке⁹, Б. Эрдмансдёрфера¹⁰, М. Филиппсона¹¹ содержится богатый фактический материал. Б. Эрдмансдёрфер подготовил многотомное серийное издание документов «Urkunden und Aktenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg». Прусские историки восторгаются Фридрихом-Вильгельмом, роль других государств в Первой северной войне явно приуменьшена, роль Австрии сведена до минимума.

Тенденциозное освещение Первая северная война получила и в австрийской историографии. А. Ф. Прибрам опубликовал реляции Ф. Лизолы — посла Австрии и Швеции. Так, в специальной статье, посвященной Фридриху-Вильгельму, годы Первой северной войны он рассматривает как начальный этап деятельности курфюрста, когда тот еще не вошел в силу, а все договоры заключались под влиянием Австрии¹². Примечательно, что работы А. Ф. Прибрама, состоявшего на австрийской дипломатической службе, были написаны в годы, когда отношения Германии, Австрии и России носили запутанный и напряженный характер.

Автор другого исследования по данному сюжету — А. Нейбер — практически ограничивается пересказом депеш Ф. Лизолы, которому, как и Прибрам, полностью доверяет¹³.

Польско-шведская война неоднократно привлекала внимание польских историков, порой пытавшихся изобразить Речь Посполитую в роли невинной жертвы, пострадавшей от хищных соседей. Работы М. Краевского¹⁴ и И. Глебоко¹⁵ носят описательный характер. Явно националистическую окраску имеет труд К. Яроховского¹⁶. Книга И. Джидучицкого посвящена бранденбургской политике в годы польско-шведской войны. Автор пишет, что, заключив 17 января 1656 г. договор с Пруссией в Королевиче, Карл Густав, отказавшись таким образом от мира и союза с Польшей, нажил себе в ее лице заклятого врага — с ее помощью Швеция могла бы победить Бранденбург (согласно договору, Фридрих-Вильгельм признавал подчинение Пруссии шведскому королю и получал в наследственное владение Вармию). При этом, как пишет историк, Карл Густав не учел, что польский народ окажет ему сопротивление. Представляется сомнительным, чтобы у Карла Густава была реальная возможность предложить вконец разбитой Польше мир и сразу же использовать эту сильно ослабленную страну в качестве союзника против Бранденбурга¹⁷.

Работы, выходящие в Швеции в конце XIX — начале XX в., не были беспристрастны: воспоминания о былом могуществе Швеции неизбежно будоражили национальное сознание. В этом смысле характерно исследование И. Карлбома, ставшее прямым ответом на работу А. Прибрама о Ф. Лизоле. Роль последнего шведский историк практически сводит на нет, указывая, что своими депешами австрийский дипломат стремился лишь увеличить свою славу¹⁸.

Свой вклад в изучение Первой северной войны внесли и французские историки. По словам О. Л. Вайнштейна, скрупулезное исследование Е. Омана — «это единственная работа, где учитываются военные и дипломатические усилия всех участников европейской политики, в частности, известное внимание уделено России»¹⁹. Е. Оман дал взвешенную оценку всех участников конфликта. А. Ваддингтон, посвятивший свою книгу Фридриху-Вильгельму, отметил, что в 1656 г. курфюрст бранденбургский испытывал колебания и проводил непоследовательную политику²⁰.

Л. Шеруэль в статье о французском после в Швеции Ш. д'Авогуре утверждал, что задачей последнего, согласно инструкциям кардинала Д. Мазарини, первонач-

чально было удержать Швецию от нападения на Польшу, отговорив Карла Густава от союза с «варварской» Россией, которая создавала видимую угрозу Европе. Статья не оказала существенного воздействия на последующую историографию²¹.

Другие французские историки не были лишены национального самолюбия, что особенно заметно при их обращении к вопросу о роли Франции в происходящих конфликтах.

Во вводных статьях к томам «Recueil des instructions aux ambassadeurs et ministres de France» уделено известное внимание французской политике. А. Жеффруа показал, что Швеция была для Франции орудием борьбы с австрийскими Габсбургами. По мнению историка, Франция прилагала все усилия, чтобы сохранить союз со Швецией и одновременно овладеть Балтикой. Л. Фарж пытался доказать, что Франция последовательно защищала интересы Речи Посполитой, и ни слова не сказал о выступлении Франции на стороне Швеции²².

Таким образом, в зарубежной историографии конца XIX в. были созданы легенды о блестящей и полностью оправданной с точки зрения государственных интересов политике курфюрста бранденбургского, о гениальном австрийском дипломате Ф. Лизоле, об оказавшем решающее влияние на ход событий французском кардинале Д. Мазарини. При этом политика и Фридриха-Вильгельма, и Ф. Лизолы оценивалась довольно скептически историками, не заинтересованными в их восхвалении.

И германские, и австрийские историки, и шведский исследователь И. Карлбом рассматривали Первую северную войну вне европейской системы дипломатических отношений, для которых была определяющей борьба между австрийскими и французскими Габсбургами. При этом Франции отводилась в северном конфликте лишь незначительная роль. Более того, Б. Эрдмансдёрфер считал, что Австрия не вступила в открытую борьбу частично в силу того, что, руководствуясь идеей сохранения габсбургского дома, Австрия оказывала поддержку Испании в Нидерландах и Италии. Автор не рассматривал отношения Австрии, Франции и Швеции, не обращал внимания на то, что Франция и Швеция выступали как союзники в борьбе с австрийскими Габсбургами. Во французской историографии, наоборот, прослеживается тенденция к преувеличению роли Франции.

Посмотрим, как в зарубежной историографии отражена роль России. Л. фон Орлих ограничился указанием на то, что выдвижение Россией кандидатуры на польский престол заставило Европу обратить внимание на русскую политику. В немецкой историографии второй половины XIX в. постоянно упоминается эпизод о приеме курфюрстом бранденбургским в 1656 г. русского посла Д. Мышецкого: последний, согласно немецким документам, оказался дикарем, с которым невозможно было иметь дело.

Отношениям России и Бранденбурга посвящена работа Ф. Гирша, написанная на основе немецких источников. Она опубликована в двух частях в 1885—1886 гг., когда еще не истек срок существования союза трех императоров. Чувствуется стремление Гирша продемонстрировать лояльность Пруссии по отношению к России. Однако из приведенного им фактического материала видно, что политика Фридриха-Вильгельма была далеко не столь однозначна²³.

Другая работа на ту же тему принадлежит А. Геденштрему из Риги (он защитил диссертацию в Марбурге в 1896 г). Автор использовал материалы московских архивов и работал в контакте с русскими историками, например, с Е. Шмурло. Автором преодолено типичное для предшествующей историографии представление о русских дипломатах как о варварах, которых нельзя воспринимать всерьез. А. Геденштрем считает, что Д. Мышецкий потерпел неудачу, так как хотел заключить оборонительный и наступательный союз с Бранденбургом, что не входило в политические планы последнего. Однако, поскольку русско-бранденбургские отношения рассмотрены в диссертации вне системы дипломатических отношений, многие вещи остаются не вполне понятными²⁴.

Польский исследователь М. Голик анализирует проект русско-польской унии.

В работе, написанной на материалах польских архивов, показано, что, затягивая переговоры об избрании русского царя на польский престол, Польша рассчитывала выиграть время и не начинать вооруженных действий с Россией. На политику Речи Посполитой оказали влияние Австрия и Франция. Важным фактором являлся антагонизм между казаками и поляками²⁵.

В шведской историографии прослеживается определенная тенденция предать забвению обернувшуюся военными неудачами для Швеции войну с Россией. В то же время в ряде работ уже в конце XIX в. было обращено внимание на русско-шведские отношения периода Первой северной войны. Рост интереса к русско-шведским отношениям был не случайным: по мнению Х. Шеффера, в конце XIX в. шведское «правительство иногда, по-видимому, боялось какого-нибудь посягательства со стороны России, печать которой время от времени требовала устройства вольной гавани где-нибудь на норвежском берегу»²⁶.

По-разному оцениваются причины русско-шведской войны. Ф. Ф. Карлсон пытался доказать, что польско-шведская война была неизбежна по вине Польши и велась с целью предупредить усиление России за счет Польши. М. Карлсон отмечает, что русско-шведская война началась в основном из-за характера отношений России и Швеции с Речью Посполитой: Россия получила превосходство в Восточной Европе, что вынудило Швецию препятствовать русской экспансии в Польше. М. Карлсон полагает, что шведами руководило стремление решить польский вопрос, а одновременно пойти на риск расширить свои территории, что привело к их вторжению в Литву. Историк считает, что война не входила в политические планы ни России, ни Швеции и возникла случайно²⁷.

В источниках имеются сведения о том, что к концу 1654 г. в шведском правительстве велась борьба за реализацию одного из трех возможных планов: замирение с Польшей при условии передачи Польшей в руки Швеции части балтийского побережья; союз с Польшей против России; союз с Россией против Польши²⁸. Так как шведские историки не провели систематического анализа протоколов шведского риксрада, то их выводы носили случайный характер.

Интересный документ опубликовал А. Б. Карлссон: это — одно из писем находившегося в Риге шведского дипломата Шитте, который в феврале — апреле 1656 г. неоднократно писал Карлу Густаву, настаивая на мирных переговорах и союзе с Москвой против Польши²⁹.

Особо следует остановиться на работе Ж. Нордвалла (1890), посвященной русско-шведским дипломатическим переговорам, предшествовавшим заключению Кардисского мира (1658—1661). Работа написана на основе до сих пор не опубликованных материалов шведских архивов: дипломатической документации и протоколов риксрада. Показывая важную роль отношений Швеции с Россией в эти годы, историк констатировал, что Швеции удалось оторвать Московское государство от общеевропейского концерта, не дав России принять участие в заключении Оливского и Копенгагенского мира. Россия искала выгодной конъюнктуры и иностранной помощи. Исследователь подчеркнул, что Москва страдала от внутренних трудностей и это мешало ей успешно завершить мирные переговоры. Швеция не опиралась на другие государства, которые, как она надеялась, были готовы использовать вооруженные силы против России³⁰.

В статье, вышедшей одновременно с книгой и посвященной внешней политике Б. Оксеншерна, Ж. Нордвалл отмечал, что Швеция вела переговоры с Россией и Польшей, а анализ протоколов риксрада свидетельствует о том, что при решении вопроса о переговорах с Речью Посполитой внимание Стокгольма уделялось прежде всего русскому вопросу, его нерешенности, возможности союза Швеции и Польши против России³¹. К сожалению, работы Ж. Нордвалла не оказали существенного влияния на историографию конца XIX — начала XX в., а введенный им в оборот фактический материал предан забвению.

Военной истории русско-шведской войны посвящено исследование М. Карлона. Исследователь пишет, что русская война стала причиной заключения мира между Швецией и Данией. Однако в целом автор остается в плену типичной для

XIX в. концепции о варварстве России. По словам историка, Россия оставалась для Швеции *terra incognita*, планы русского правительства были неизвестны шведскому руководству. Московское государство, как отмечает автор работы, претендовало на уровень политического развития, достигнутый Швецией. Россия ориентировалась на территориальную экспансию и захват военной добычи. М. Карлон ссылается на реляцию Белке из Москвы от 7 марта 1656 г. Белке пишет, что Никон выступал за покорение Ингерманландии, православное население которой находилось под гнетом еретиков. Автор выражает мысль, что в русско-шведской войне важную роль играл религиозный момент³².

В связи с изучением отношений Карла Густава и Ракоши С. Виблинг в своей книге затронул вопрос об отношении Швеции и Украины. Исследователь отметил, что Карл Август надеялся натравить татар на Россию и тем самым покончить с двумя противниками одновременно³³.

Определенное место анализу внешней политики России отводится в книге Е. Омана. Именно к годам Первой северной войны исследователь относит вступление России в европейскую политику (о причастности Московского государства к Тридцатилетней войне автору, по-видимому, ничего не известно). Е. Оман, не располагая цифрами, которые отражали бы количество жертв на разных театрах войны, писал о военной слабости России. Он писал о химеричности планов Москвы относительно Речи Посполитой, о том, что надежды России на успех в Виленских переговорах были преувеличены. Именно Е. Оман предпринял практически первую попытку определить место России в системе европейских государств.

В целом же для западной историографии второй половины XIX в. характерно непризнание роли России как политического фактора, способного влиять на международные отношения. Действительно, Московское государство XVII в. еще не вошло в качестве равноправного партнера в концерт европейских держав. Сильные цивилизационные отличия, существование в России государства полуазиатского типа препятствовали признанию страны как равной в дипломатических переговорах. Сообщения о «русских варварах» часто цитировались западными историками прошлого века. В то же время Москва географически была сильно удалена от центра происходивших событий, переписка европейских дворов с русским двором и с отправляемыми в Россию западными дипломатами затруднялась и по объему значительно уступала переписке, которая велась между европейскими государями. Протоколы шведского риксада, подробно обсуждавшего русский вопрос, впервые были введены в научный оборот в 1890 г., однако соответствующее исследование Ж. Нордвалла, изданное на шведском языке, не обратило на себя особого внимания. Материалы русских архивов оставались неизвестными. В руках исследователей, таким образом, не было источников, необходимых для оценки международной роли России.

К межвоенному периоду относится завершение трехтомного исследования Л. Кубалы, посвященного польско-шведской войне. В работе используется богатый фактический материал из польских архивов, приводятся пространственные цитаты из документов³⁴. Мобилизованный материал составляет основную ценность работы сегодня.

Значительные изменения в подходе к изучению Первой северной войны произошли после второй мировой войны. Угасли прежние национальные страсти. Ставшие нейтральными сюжеты привлекли сторонних наблюдателей. Вместе с тем с созданием системы «социализма» и началом противостояния Восточной и Западной Европы усилился интерес к вопросу становления внешней политики России, политической роли страны в международных отношениях в предшествующие столетия.

Одновременно возобладали системный подход к изучению проблем международных отношений, с учетом всех действующих факторов. Больше, чем прежде, внимание начало уделяться анализу Первой северной войны в перспективе вре-

мени, историки чаще стали обращаться к вопросу о причинных и следственных связях событий с событиями предшествующего и последующего времени.

На современном уровне с учетом всех действующих на международной арене сил написана работа Ф. Гренбаума, посвященная русско-французским отношениям. Проведен скрупулезный анализ опубликованных источников и хранящихся в архивах различных стран (в том числе в Москве) документов. К лету 1656 г. Франция была готова помогать Польше и Швеции против Австрии, кардинал Д. Мазарини пытался провести план польско-шведского примирения. Позиция Франции по отношению к Швеции изменилась после поражения русских в Ливонии: Мазарини приложил усилия к созданию антишведской лиги в составе России и Пруссии. Франция пыталась объединить Россию и Швецию против Польши, а затем вновь поддержала польско-шведский союз против России³⁵. Франко-шведские отношения оказываются значительно сложнее, чем их изобразил Л. Шеруэль.

Е. Опиц посвятил специальную монографию политике Австрии и Бранденбурга в годы Первой северной войны. Автор уделил заметное внимание роли России в происходивших событиях, отметив влияние позиции Бранденбурга, Австрии и России на Роскильдский мир, заключенный между Россией и Данией. Зная о враждебном отношении к себе со стороны Вены, Берлина и Москвы, Стокгольм чувствовал себя на вершине успеха и торопился навязать Копенгагену свои условия мира. В результате противники Швеции добились обратной реакции на свои действия. В то же время в работе подчеркнуто, что Россия была враждебно настроена по отношению к Бранденбургу и выступала против союзов с ним³⁶. Работа Опица — хороший пример системного подхода к Первой северной войне, когда события на Западе и на Востоке рассматриваются в их взаимной связи.

Б. фон Крузенштерн написал биографию, по-видимому, своего отдаленного предка — шведского посла в России Ф. Г. Крузенштерна. В книге рассказывается о попытке Швеции возобновить союз с Россией в 1655 г., но при этом автор явно преувеличивает степень влияния других государств на русскую политику. Так, он считает, что решение Алексея Михайловича заключить мир с Польшей было принято под влиянием Австрии. Борьба между различными группировками при русском дворе осталась вне поля зрения исследователя³⁷.

Датский исследователь К. Селнес посвятил специальную статью вопросу о политической роли России в годы датско-шведских войн. Опираясь на опубликованные в нашей стране документы по датско-русским отношениям, историк рассказывает о попытке царя заключить союз с Польшей. Одновременно Дания вела переговоры о заключении союза с Россией, проявляя заинтересованность в том, чтобы втянуть ее в войну. Однако этот союз так и не был заключен: Дания боялась торгового краха и ориентировалась на соглашение с Нидерландами³⁸.

Обратимся к шведской историографии. О русско-шведской войне ничего не говорится в пособии по шведской истории С. Халлендорфа и А. Шука³⁹, почти ничего — в многотомной «Шведской истории», соответствующий том которой был издан в 1967 г. и переиздан в 1978 г.⁴⁰

Б. Фалборг в книге о внешней политике Швеции 1660—1664 гг. ссылается на труды своих предшественников, в том числе на книгу Ж. Нордвалла. Говорится о затянутости русско-шведских переговоров во времени в связи с удаленностью Москвы от русско-шведской границы⁴¹.

Некоторые итоги изучению русско-шведских отношений были подведены в работе Г. Ландберга о внешней политике Швеции в 1648—1697 гг. — части многотомного труда по внешнеполитической истории Швеции. Как указывал Г. Ландберг, Россия и Бранденбург составляли конкуренцию Швеции в претензиях на Польшу. При этом Швеция стремилась решить русско-шведские противоречия путем мирных переговоров. Белке предпринял попытку разграничить между Швецией и Россией сферы влияния в Польше. Но Бранденбург и Австрия стали оказывать противодействие Швеции в Москве. Карл Густав колебался между двумя направлениями — балтийским и южным (на самом деле, речь должна идти

не столько о колебаниях Карла Густава, сколько о борьбе дипломатов за реализацию различных политических возможностей). В результате было выбрано балтийское направление, Швеция отказалась от Украины. Автор говорит о первоначальной пассивности Австрии по отношению к Швеции, о создании шведской угрозы Австрии и активизации последней в дальнейшем⁴².

Основные положения работы Г. Ландберга повторены и в исследовании А. Оберга о датско-шведской войне 1657—1658 гг. Сосредоточив внимание на показе западного фронта Первой северной войны, автор счел нужным упомянуть и о столкновении интересов России и Бранденбурга в Польше, и о дилемме, стоявшей перед шведским правительством в январе 1656 г. какому из трех государств — Польше, Дании или России — объявить войну⁴³.

Вопрос о соотношении восточного и западного фронтов, поставленный в работах Е. Опица и Г. Ландберга, был затронут и в работе шведской исследовательницы Б. Оден. Говоря о намерении Густава Адольфа начать вторую войну с Данией, автор указывает, что шведский король, принимая решение, надеялся предотвратить российскую опасность, ведя оборонительную войну на восточном фронте. Одновременно произошел поворот Швеции к союзу с Австрией⁴⁴.

Вопрос о попытке Белке разграничить сферы влияния между Россией и Швецией в Польше стал предметом специального исследования шведского профессора Ж. Кентршинского. Историк рассказывает о переговорах Карла Густава и Б. Хмельницкого, которые означали, что украинский гетман шел на сближение с враждебным России лагерем. Автор считает, что в связи с переговорами Украины и Швеции Россия медлила с решением украинского вопроса. Исследователь высказывает мнение, что военная политика Хмельницкого шла вразрез с интересами России. Настоящие выводы основаны исключительно на инструкциях, посылаемых шведским послам, русская документация, а также польские материалы, введенные в научный оборот Л. Кубалой, остаются практически не использованными. Как указано в статье, с учетом ключевой роли, какую Украина играла в борьбе с Польшей, Россия поощряла контакты Украины с иностранными державами. Русские придерживались оборонительной тактики. Швеция надеялась решить спорные вопросы путем переговоров. Но это вело к активизации военных действий, к более энергичному обсуждению вопроса о переходе Украины в русское подданство. В результате ошибочных посылок Ж. Кентршинский делает неправильный вывод о том, что в сложившейся ситуации Швеция пыталась решить казацкий вопрос, создав независимое государство казаков, и опиралась в своих действиях на международное право. В заключение автор указывает, что, если Швеция стремилась прийти к согласию на путях дипломатических переговоров, то Россия отказалась от правового урегулирования конфликта и начала войну. Историк не задается вопросом о том, насколько реалистичны были эти проекты, соответствовали ли они интересам казаков⁴⁵.

С. Штаде посвятил специальную статью военным планам Швеции в 1655 г. Он отметил, что Карл Густав думал начать войну с Россией, преследуя политические и торговые интересы, надеясь на территориальные приобретения. Одновременно родилась концепция союза с Польшей против России, но Швеция должна была оказывать помощь Речи Посполитой в обмен на территориальные уступки со стороны последней. Предполагалось, что Польша уступит Швеции Курляндское княжество. Для Швеции возникла угроза войны на два фронта⁴⁶.

Работа Р. Фагерлунда посвящена военной истории — *борьбе* в восточно-балтийском регионе в 1655—1661 гг. Р. Фагерлунд не только подробно описывает военные действия, но и рассматривает вопросы финансирования войны, снабжения фронта оружием, анализирует последствия войны. Автор называет число людских потерь за время войны: 25 тыс. человек, из которых 13 тыс. приходится на русскую войну⁴⁷.

Английская историография представлена как минимум двумя работами. В книге Дж. Лиска Россия расценивается как основная угроза для Швеции на

Востоке. По словам автора, «время, когда действия России станут заметными для всей Европы, было недалеко»⁴⁸.

М. Роберте связывает период правления Карла Густава с началом упадка шведской империи. Хотя формально Швеция одерживала победы — была остановлена экспансия «русского варварства» (эти слова, заимствованные из источников, автор берет в кавычки), закрыт выход Москве к морю, сломлен контроль Дании над проливами, однако сложились предпосылки политического краха империи⁴⁹.

Важное место в историографии Первой северной войны занимает трехтомное исследование коллектива польских ученых, изданное в Варшаве в 1957 г. О сношениях России и Польши в годы Первой северной войны написал очерк З. Вуйчик. Связи Хмельницкого с Карлом Густавом историк расценивает как результат запугивания шведским королем украинского гетмана. Автор считает, что заявление Хмельницкого о союзе со Швецией было неискренним. З. Вуйчик указывает на закономерность сближения России и Польши в борьбе со Швецией, происходившего вопреки заинтересованным в восточных землях панам. Виленское соглашение конца 1656 г., в соответствии с которым царь мог быть избран на польский престол, расценивается историком как создание единого фронта Речи Посполитой и России против Швеции, первый шаг в деле примирения России и Польши. Неудача в создании единого фронта против Швеции — основная причина, по которой Россия не получила выхода к Балтике.

Другой автор польского коллективного труда К. Пиварский — посвятил очерки франко-австрийскому влиянию на Польшу и отношениям Бранденбурга и Швеции в годы Первой северной войны. Он отмечает, что, поддерживая Швецию, Франция преследовала две цели: предотвращение интервенции Габсбургов, с одной стороны, пресечение планов элекции Габсбургов в Польше — с другой. Для Австрии наиболее выгодна была длительная польско-шведская война, без решения вопроса о польском престоле. Под конец последовал отказ от курса на поддержку Швеции против Австрии, Франция стала ориентироваться на замирение Польши и Швеции. Новой задачей Франции стало помочь Швеции закончить войну с Польшей на наиболее выгодных условиях, при сохранении шведского военного потенциала. При этом Франция развязывала себе руки в Северной Европе, а Польша оказывалась в сфере влияния Франции. Вопрос о роли русского фактора в международных отношениях не обсуждается.

В очерке, посвященном отношениям Швеции и Бранденбурга, отмечается, что Бранденбургу не удалось выступить в роли третьей силы в конфликте между Польшей и Швецией. К. Пиварский характеризует политику Фридриха-Вильгельма, колебавшегося между Польшей и Швецией, как «лисью».

В вошедшем в тот же трехтомник очерке Б. Барановского о крымских татарах в период польско-шведской войны рассказывалось о попытке Польши заключить союз с Крымом против Швеции (посольство Шуманского в Крым в июне 1656 г.). Крымское ханство было заинтересовано в заключении Польшей мира со Швецией, совместном выступлении Польши и Крыма против России и Украины⁵⁰.

Особо следует остановиться на статье А. Рахубы о Павле Сапеге, перешедшем на сторону Швеции в результате сближения Яна Казимира с Россией. Сапега надеялся, что Карл Густав восстановит Польшу в границах 1648 г.⁵¹

Внимание зарубежных историков привлекали экономические предпосылки борьбы за Балтику. Немецкий историк Г. Раух, рассматривая вопрос о роли Московского государства на международной арене, писал о развитии торговых связей через иностранных купцов. Ордин-Нащокин предпринял попытку силового решения выхода к морю на путях войны⁵².

Б. Оден подчеркнула, что при заключении Роскильдского мира Швеция стремилась отстоять свои торговые интересы, вернуть себе территории, захваченные Россией в Северной Норвегии — районе, примыкающем к Архангельску⁵³.

Торговле России и Швеции посвящена работа А. Атмана. (Он был одним из авторов совместного советско-шведского издания «Экономические связи между Россией и Швецией в XVII в. Документы из советских архивов / Под ред. М. П. Шаскольского. Т. 1—2. М.; Стокгольм, 1981/.) В своей книге А. Атман пишет о важной роли Риги в русско-шведской торговле. Шведские купцы добивались переноса части торговли на Балтику, воспрепятствовав балтийской экспансии России⁵⁴.

В современной шведской историографии рассматривается ряд вопросов, связанных с внутренними проблемами Швеции в период Первой северной войны: вопросы о финансировании войны (показано, что война с Польшей велась на средства, полученные в результате внутреннего займа), о милитаризации шведской экономики (продемонстрировано, что шведская кавалерия формировалась на средства помещиков), о милитаризации шведского общества (проследжено формирование заинтересованного в войне слоя господствующего класса)⁵⁵.

Современные западные историки внесли важный вклад в изучение Первой северной войны. В значительной мере стали ясны причины войны, расклад политических сил, внутренняя подоплека происходивших событий. М. Роберте относит ко времени Первой северной войны начало упадка Швеции. В современной зарубежной историографии получил освещение вопрос о роли Франции в Первой северной войне, в том числе вопрос о взаимоотношениях России и Франции. Было показано, что Франция начала проводить политику, которая в дальнейшем привела к формированию антитурецкой коалиции 1686 г. Франция сделала попытку создать антишведскую коалицию в составе России и Пруссии, в дальнейшем — русско-шведскую лигу против Польши. Австрии было выгодно затягивание польско-шведской войны, без проведения выборов на польский престол. Высказывается мысль о том, что Франция стремилась предотвратить интервенцию Габсбургов в Польшу. Россия занимала определенное место во внешней политике Франции. Дания пыталась заключить военный союз с Россией. В различного рода исследованиях говорилось о столкновении интересов Швеции и России в Польше и на Украине, о попытке Белке разграничить между Швецией и Россией сферы влияния в Польше. Необоснованными представляются выводы Ж. Кентршинского, который считает, что Швеция, сообразуясь с интересами казаков, пыталась создать их государство, а Россия отказалась от решения вопроса путем дипломатических переговоров и *начала* войну. З. Вуйчик считает, что Хмельницкий пошел на сближение с Карлом Густавом из страха перед последним.

З. Вуйчик рассматривает сближение России и Польши как естественный процесс. Заключению союза между ними помешала непоследовательность политики той и другой стороны. В дальнейшем предстоит проследить, как в эти годы шло втягивание России в общеевропейскую систему международных отношений.

Материалы русских архивов остались в основном неизвестны зарубежным исследователям. Следовательно, не могли быть раскрыты проблемы, касающиеся непосредственно Московского государства: *борьба* вокруг внешнеполитического курса России, возможность принятия альтернативных решений. Не прослежено и как выработывался и изменялся внешнеполитический курс Швеции в 1656—1658 гг. (более поздний период проанализирован в работе Ж. Нордвалла). Названные проблемы не были рассмотрены и в российской историографии, они еще ждут своего исследователя.

Примечания

¹ Naumant E. La guerre du Nord et la paix d'Oliva. Paris, 1893.

² Вайнштейн О. Русско-шведская война 1655—1660 годов (Историографический обзор)//Вопросы истории. 1947. № 3. С. 53—72.

³ Там же.

⁴ Carlon M. Ryska kriget 1655—1656: Diss. Lund. Stockholm, 1903.

- ⁵ Erdmannsdörfer B. *Deutsche Geschichte vom Westfälischen Frieden*. Berlin, 1892. Bd. 1—2.
- ⁶ Beer A. *Allgemeine Geschichte des Welthandels*. Bd. 2. Wien, 1862; Naudé W. *Die Getreidehandelspolitik der europäischen Staaten*. Bd. 1. Berlin, 1890.
- ⁷ Orlich L. *Geschichte des preussischen Staates im siebzehnten Jahrhundert*. Berlin, 1836.
- ⁸ Droysen G. *Geschichte der preussischen Politik*. T. 111. Abt. 11. Leipzig, 1863.
- ⁹ Ranke L. *Genesis des preussischen Staates*. Leipzig, 1874; *Historische Meiswerke*. Berlin, 1930. Bd. 1.
- ¹⁰ Erdmannsdörfer B. *Op. cit.*; idem. *Graf Georg Friedrich von Waldeck. Ein preussischen Staatsmann in siebzehnten Jahrhundert*. Berlin, 1869.
- ¹¹ Philippson W. *Der grosse Kurfürst Friedrich-Wilhelm*. Berlin, 1897.
- ¹² Pribram A. F. *Österreichische Vermittlungspolitik im polnisch-russischen Krieg 1654—1660*//*Archiv für österreichische Geschichte*. Bd. 75. Th. 1. 1889. S. 421—480; idem. *Zur auswärtigen Politik des Kurfürsten Friedrich-Wilhelm von Brandenburg*//*Forschungen zur brandenburgischen und preussischen Geschichte*. Bd. 5. 1892. S. 103—133.
- ¹³ Neuber A. *Der schwedisch-polnische Krieg und die österreichische Politik (1655—1657)*. Prag, 1915.
- ¹⁴ Krajewski M. *Dzieje panowania Jana Kazimierza od roku 1656 do jego abdykacyi w roku 1668*. T. 1—2. Warszawa, 1846.
- ¹⁵ Glebock I. T. *Napad Karola Gustawa szwadzkiego 1655—1656—1657*. Krakow, 1861.
- ¹⁶ Jarohowski K. *Wielkopolska w czasie pierwszy wojny szwedszkiej od r. 1655 do 1657*. Poznan, 1864.
- ¹⁷ Dzieduczycy J. *Polityka brandenburgska podczas wojny polsko szwedszkiej w latach 1655—1657*. Krakow, 1879.
- ¹⁸ Carlbom J. L. *Sveriges förhållande till Osterrike under Ferdinand 111 sistas regirungs år (1625—1657)*. Göteborg, 1898.
- ¹⁹ Вайнштейн О. Л. *Указ. соч.* С. 68.
- ²⁰ Waddington A. *Le grand électeur Frédéric Guillaume de Brandebourg, sa politique exteérieure*. V. 1. Paris, 1905.
- ²¹ Cheruel L. *Le baron Charles d'Avogour ambassadeur de France en Suede (1654—1657)*//*Revue d'histpire diplomatique*. V. 3. 1889. P. 523—554.
- ²² *Recueil des instructions données aux ambassadeurs et rministres de Fran9e depuis les traités de Westphalle jusqu'a la Revolution francaise*. V. 2. Sukde/Par A. Geffroy. Paris, 1885; v. 4. Pologne/Par R. Farges. 1. Paris, 1888; v. 8. Russie/par A. Rambaud. 1. Paris, 1890.
- ²³ Hirsch F. *Die ersten Anknüpfung zwiscen Bradenburg und Russland unter dem grossen Kurfürsten*. T. 1—2. Berlin, 1885—1886.
- ²⁴ Hedenström A. von. *Die Beziehungen zwischen Russland und Brandenburg während des Ersten nordischen Krieges 1655—1660*. Marburg, 1896.
- ²⁵ Gawlik M. *Projekt unii Rosyjsko-polskiej w drugiej polowie XVII wieku*. Lwow, 1909.
- ²⁶ Шеффер X. *Скандинавские государства 1870—1900* //История XIX века/Под ред. Лависса и Рамбо. Т. 7. М., 1939. С. 259.
- ²⁷ Carisen F. F. *Geschichte Schwedens*. Bd. IV. Gotha, 1855.
- ²⁸ Заборовский Л. В. *Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. Из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе*. М., 1981.
- ²⁹ Carlsson A. B. *Sverige och den östeuropeiska krisen 1656*//*Historisk Tidskrift*. Arg. 32. 1912.
- ³⁰ Nordwall J. E. *Svensk-ryska underhandlingar förefreden i Kardis (1658—1661)*. Uppsala, 1890.
- ³¹ Nordwall J. E. *En främställning af Bengt. Oxenstierna angående den svenska utrikespolitik år 1660*//*Historisk Tidskrift*. Arg. 10. 1890. S. 163—169.
- ³² Carlon M. *Op. cit.*
- ³³ Wibling C. *Carl X Gustafs och Georg Rakoczy 11*. Lund, 1891.
- ³⁴ Kubala L. *Wojna szwedzka w roku 1655 i 1656*. Lwow, 1914; idem. *Wojna brandenburgska i najazd Rakoczego w roku 1656 i 1657*. Lwow; *Wojny danskie i pokoj Oliwski 1657—1660*. Lwow, 1922.
- ³⁵ Grönebaum F. *Frankreich in Ost- und Nordeuropa, die französisch-russischen Beziehungen von 1648—1689*. Wiesbaden, 1968. S. 188—199.
- ³⁶ Opitz E. *Österreich und Brandenburg im Schwedisch-Polnischen Krieg 1655—1660*. Boldt, 1969.
- ³⁷ Krusenstiern von B. *Philip Crusius von Krusenstiern (1597—1673)*. Marburg, 1978.
- ³⁸ Selnes K. *Russland und der Krieg im Norden 1657—1660*//*Scando-slavica*. Th. 11. Copenhagen, 1965. S. 263—272.
- ³⁹ Hallendorf C., Schuck A. *History of Sweden*. Stockholm, 1929.
- ⁴⁰ *Den Svenska Historien*. V. 5. Stockholm, 1967 (1978).
- ⁴¹ Fahlborg B. *Sveriges ytre politik 1660—1664*. Stockholm, 1932.
- ⁴² Landberg G. *Den svenska utrikespolitikens historia (1648—1697)*. Stockholm, 1952.
- ⁴³ Åberg A. *När Skåne blev Svensk*. Halmstad, 1965.
- ⁴⁴ *O den B. Karl X Gustav och del andra danska kriget*//*Scandie*, 27, 1961.
- ⁴⁵ Kentrshynskij B. *Ukrainska revolutimen och Russlands angrepp mot Sveriges 1656*//*Karolinska Forbundets Årsbock*, 1966. S. 30—42.
- ⁴⁶ Stade A. *Geneza decyzji Karola X Gustawa o wojnie z Polska w 1655 r.*//*Studia i materialy do historii wojskowosci* 1973. T. XIX cz. 2. S. 19—91.

- ⁴⁷ Fagerlund R. Krieget i Ostersjöprovinserna 1655—1661. Operationer och krigsansträngningar på en brikkrigsskådeplats under Carl X Gustafs krig. Åbo, 1979.
- ⁴⁸ Lisk J. The Struggle for Supremacy in the Baltic 1600—1725. N. Y., cop. 1967.
- ⁴⁹ Roberts M. The Swedish imperial experience 1560—1718. Cambridge, 1979.
- ⁵⁰ Polska w okresie drugiej wojny polnocnej 1655—1660. T. 1. Warszawa, 1957.
- ⁵¹ Rachuba A. Paweł Sapieha bibec Szwecyje i Jana Kazimierza//Acta baltico-slavica. 11. Wrocław, 1977. S. 81—107.
- ⁵² Rauch C. von. Moskau und die europäischen Mächte des 17. Jahrh.//Historische Zeitschrift. Bd. 178. 1954. S. 25—46.
- ⁵³ Oden B. Op. cit.
- ⁵⁴ Attman A. Swedish aspirations and the Russian market during the 17th century. Göteborg, 1985.
- ⁵⁵ Åsard B. Upptakten till Karl X Gustaf anfall mot Polen 1655; till frågan om krigets mål och medel//Karolinska Forbundets Årsbok. Lund Stockholm 1970. Del kontinentala krigets ekonomi. Studier i krigsfinansiering under svensk stormaktstid. Uppsala, 1971; Landberg H. Kungamaktens emancipation: Statsreglering och militärorganisation under Karl X Gustaf och Karl XI//Scandia. 1969. H. 1. S. 94—103; Asker A. Militärstat eller militariserat samhälle? Synpunkter på det karolinska Sverige med anledning av en aktuell debatt//Historisk tidskrift. Stockholm, 1987. № 3. S. 383—388.